

ЛЕГИТИМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: КРИТЕРИИ И МЕХАНИЗМЫ

Слабость гражданского общества в России и атомизация общества как такового делают принципиально важными отношения «народ – власть». Особенности российской политической культуры (ее «подростковый» характер – по Л. Седову¹) с патерналистским восприятием власти обуславливают зачастую непомерную сверхзадачу перед властью, с которой она справиться не в состоянии.

Патерналистские основания политической культуры были задействованы региональными элитами в середине 1990-х гг., когда в России активно формировалось региональное политическое пространство. В настоящее время они законсервировались в том числе и из-за эксплуатации и на общенациональном уровне.

В задачи данной работы входит выявление оснований легитимации власти на региональном уровне и определение механизмов, задействованных в этих целях.

Эмпирической базой работы послужили результаты исследований «Эффективность власти в регионе» и «Взаимодействие региональной власти и населения», проведенных автором в марте-мае 2005 и январе-феврале 2006 года по региональной репрезентативной выборке. Исследование проводилось в форме опроса населения по репрезентативной областной выборке с сохранением в выборочной совокупности удельного веса квот по параметрам: пол, возраст (четыре возрастные группы), поселенческая принадлежность (город с населением свыше 100 тыс. жителей, город менее 100 тыс. и пгт, село). Стандартная ошибка выборки не превысила 4,5%.

При всей условности и неоднозначности концепта «легитимность», нужно признать, что существуют различия между «легитимной» и «нелегитимной» властью. Выявление всех возможных индикаторов легитимности может, конечно, завести в тупик, но обозначить основные из них необходимо.

Выявление универсальных критериев эффективности власти с позиций должностования невозможно по ряду причин. Во-первых, в каждом сообществе отношение власти и населения специфично в силу фактора политико-исторической традиции. Во-вторых, и это еще более значимо, отношения в социуме не только рациональны, но и иррациональны. По причине этого легитимность власти нетождественна ее эффективности. «...Помимо рациональных компонентов, фиксируемых социологическими опросами, у образа власти всегда имеется «второе дно» в виде бессознательных установок... На образы власти влияет не только конкретный политический контекст, но и

¹ См.: Седов Л. Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении // *Общественные науки и современность*. – №6. – №3. – С.70-71.

традиции национальной политической культуры, устойчивые архетипы массового сознания»¹.

Вследствие этого существенно необходимым становится выявление критериев или индикаторов легитимности.

Далее - как бы не определять легитимность – как «степень, в которой члены политической системы воспринимают ее как достойную своей поддержки»² (Г. Экштейн), готовность соглашаться с содержательно еще не определенными решениями»³ (Н. Луман) или «веру в правомочность государства»⁴ (П. Баркер) – необходимо установить более или менее определенные индикаторы, позволяющие систематизировать и классифицировать реальное политическое сознание и поведение общественности. При этом необходимо иметь в виду, что та или другая форма поведения и сознания может иметь принципиально иной смысл в различных социальных контекстах. Не вполне соглашаясь с тезисом о легитимности плюралистических демократий и нелегитимности или слабой легитимности авторитарных режимов⁵, следует отметить, тем не менее, что в условиях политических режимов различной степени демократизма/автократии (как бы ни были неопределены сами эти понятия) и проявления легитимности/нелегитимности этих режимов различны. Специфика того или иного властного института обуславливает и специфику его легитимности. Сложно однозначно судить о легитимности власти по результатам выборов вне контекста их свободы и конкурентности. В то же время институт массового протеста может свидетельствовать как о делегитимации власти в ее персональном аспекте, так и о поддержке базовых политических институтов общества. К этому следует добавить, что определенная методология и методика исследования также предполагают акцентирование внимания на тех или иных индикаторах легитимности.

Рядом авторов в качестве основного индикатора легитимности используется критерий применения властью насилия. В частности, Д. Истон считает, что об уровне отклонений в конформизме можно судить, основываясь на данных о масштабах нарушений законов и вообще характере насилия в жизни общества, размахе движений несогласных, а также о суммах, затрачиваемых на поддержание безопасности. Также и Ч. Мэрриэм: «Когда власть использует насилие, она является не самой сильной, а самой слабой»⁶.

¹ Шестопап Е.Б. Новые тенденции восприятия власти в России // ПОЛИС. – 2005. - №3. – С.137-138.

² Hekstein H. Support for Regimes. Theories and Tests. – New York, 1979. – P. 50.

³ Цит. по: Филиппов А.Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия // Полития. - №2. – Лето 2002. – С.104. – С.105.

⁴ Цит. по: Лапкин В.В., Пантин В.И. Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции // ПОЛИС. – 1999. - №6. – С.70.

⁵ См.: Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. – 1993.- №3. – С.147.

⁶ Цит. по: Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С.127.

Другой концептуальный индикатор наличия/отсутствия легитимности власти – степень соответствия власти установленным нормам – как формальным, так и неформальным¹. Сложность использования данного критерия состоит в многообразии норм и их противоречивости по отношению друг к другу.

В то же время соблюдение правовых норм не может быть критерием легитимности по причине того, что эти нормы устанавливаются государством и не всегда могут поддерживаться сообществом. Рассогласование между правом и справедливостью – распространенная проблема в трансформирующихся обществах. «Данные об избирательном выполнении российских законов свидетельствуют, что нынешний макропорядок, оставаясь легальным, не выглядит легитимным в глазах очень многих респондентов, т.к. реально не гарантирует прав и свобод большинства»². В современных российских условиях «"закон" как принцип легальности явно не работает, так как нет института, который мог бы быть ответствен за его реализацию. Нелегитимность властных институтов в этом случае непосредственно связана с их безответственностью перед населением во всех отношениях, начиная с невыполнения социальных обязательств, которыми патерналистское государство десятилетиями кормило общество, и кончая "защитой от террористов", в эффективность борьбы с которыми абсолютное большинство опрошенных не верит»³.

В целом концептуальное различие между легальностью и легитимностью власти не всегда улавливается сторонниками юридического подхода к исследованию власти, которые трактуют легитимацию как «процесс... посредством которого государственная власть приобретает свойство легитимности, т.е. состояние, выражающее правильность, оправданность, целесообразность, законность и другие стороны соответствия конкретной государственной власти установкам, ожиданиям личности, социальных и иных коллективов, общества в целом»⁴.

Еще один критерий легитимности власти, выдвигаемый в качестве концептуального, – совпадение интересов власти и управляемого ей сообщества.

В условиях институционализации демократических процедур электоральная активность может служить критерием ценностной, институциональной и процедурной легитимности. Однако использование данного критерия требует дополнительного анализа политической культуры и электоральной мотивации. В случае мобилизованного типа политического участия и, тем более, массированного использования административного ресурса между

¹ См.: Beetam D. The Legitimation of Power. – N.Y., 1991.

² Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. - М.: ИСП РАН, 2003. – С.40.

³ Гудков Л. О легитимности социального порядка // Вестник общественного мнения. – 2004. – №2. – С.29.

⁴ Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. – 1995. - №8. – С.66.

массовостью электорального участия и легитимностью власти вряд ли можно вывести значимую корреляцию.

Наконец, в литературе, преимущественно в политической публицистике, существует ряд несколько более экзотических критериев легитимности власти. Например, внешний вид полицейских: «если последние не носят оружия, значит легитимность высока, если одеты в бронежилеты и несут текущую службу с автоматами – значит легитимность низка. Смысл в том, что при высокой легитимности власти полицейскому в обычной ситуации не нужно оружия – достаточно самой формы, граждане готовы подчиняться ему и выполнять его требования без принуждения. Если приходится вооружаться, значит у данной власти есть значимое число противников, готовых не только игнорировать требования власти в целом и рядового полицейского, в частности, но и вступать в ними в прямое вооруженное противостояние»¹.

Все представленные критерии легитимности зачастую трудно верифицируемы, так как предполагают преимущественно качественную, а не количественную интерпретацию.

Под основаниями легитимности в настоящей работе понимаются доминирование тех или иных установок политической культуры, предполагающие ведущую роль для легитимности власти тех или иных компонентов политического процесса – самого статуса власти, общности целей власти и общества, мнения общества о значимости и ценности конкретных процедур, способствующих формированию властных органов, институтов (прежде всего формальных), ритуалов, идеологического обоснования, политической традиции и др.

Г. Майер выделяет следующие наиболее важные для легитимности объекты поддержки: ценности, представления об обществе, символы и традиции; институты, правила и процедуры принятия решений; властные элиты и качество их действий; успешность функционирования политической системы и блага, ею предоставляемые².

В качестве базовых оснований легитимности нами предлагаются, в некоторой степени еще гипотетически, ценностное, инструментальное, институциональное, процедурное и персональное основания.

Ценностное основание легитимности базируется на представлениях общественного сознания о месте, которое власть занимает в жизни общества. На том, в какой степени власть соответствует массовым представлениям о добре и зле. Ценностное основание легитимности предполагает, во-первых, наличие представления о репрезентации властью массовых интересов, во-вторых, степень совпадения ценностей на массовом уровне и ценностей, декларируемых официально. В обществах транзита значительным основанием ценностной легитимации становится мере тождества/нетождества нынешней власти и прошлой. Так, Х. Р. Монтеро и Л. Морлино указывают на мотив

¹ Черняховский С. Запреты одинокой власти // <http://www.novopol.ru/article10172.html>.

² Легитимность и легитимация власти в России: Сб. ст. / Отв. ред. С. А. Ланцов, С. М. Елисеев. СПб.: СПбГУ; РФФИ, 1995. - С.87-88.

предпочтений индивидами альтернативной системы установившемуся режиму и рассматривают их как одно из важнейших измерений легитимности — «легитимность через негативное отношение к прошлому» («legitimacy-by-reaction-against-the-past»)¹. Во многом ценностная легитимность, если использовать веберовскую классификацию, базируется на харизматической, а также традиционной легитимности.

В качестве индикаторов ценностной легитимности могут выступать:

- преобладающие настроения, бытующие в сообществе по отношению к власти;
- степень принятия основных ценностей, декларируемых властью (рынок, демократия и др.);
- уровень восприятия власти как соответствующей либо не соответствующей интересам массовых социальных групп;
- массовые представления о коррумпированности властных институтов и, соответственно, об их функциональности и моральности.

Инструментальная легитимность, в отличие от ценностной, основана на более пластическом компоненте общественного сознания — целях, которые ставят перед собой индивиды и группы, исходя из наиболее актуальных в данный момент потребностях. Соответствие деятельности властных инстанций целям массовых и индивидуальных акторов является основанием легитимности. «Инструментальная легитимность базируется на представлении об эффективности политического руководства страны, его способности создавать условия, в которых индивиды и группы могут реализовывать свои интересы и удовлетворять потребности»².

В качестве индикаторов инструментальной легитимности выступают:

- удовлетворенность населения наличной ситуацией в сферах, отвечающих жизненным потребностям, в частности, экономической, в сфере борьбы с преступностью, в сфере социальной защиты и борьбы с бедностью, в сфере здравоохранения. В российских условиях для оценки эффективности власти и ее отдельных институтов, а также для оценки личной популярности статусных персон наибольшей критериальной значимостью отличается показатель оценки населением экономической ситуации в регионе³;

- оценка эффективности власти по направлениям: поддержание приемлемого жизненного уровня населения; участие в федеральной политике; взаимодействие с хозяйствующими субъектами, экономическое развитие региона; борьба с преступностью; поддержание приемлемой среды обитания (в том числе экологической); формирование известности и высокого авторитета

¹ Montero J. R., Morlino L. Legitimacy and Democracy in Southern Europe // Reis. Revista Española de Investigaciones Sociológicas. English edition. Madrid, 1996. P. 16-18.

² Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В.Дуки. — СПб.: Алетейя, 2001. — С.240.

³ См.: Российские губернаторы — секреты популярности // <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/regions/administrative/d034130>; Реутов Е.В. Эффективность власти: региональное измерение // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2006. - №1. — С.57-64.

региона на уровне всей страны; обеспечение социальной защиты населения при проведении экономических реформ.

Институциональная легитимность рассматривается нами как согласие населения с институциональными основами власти. В частности, с теми формальными институтами, которые декларируются в качестве оснований функционирования власти – выборами, разделением властей, местным самоуправлением, принципом федерализма и др.

Индикаторами институциональной легитимности являются:

- оценка эффективности деятельности отдельных властных институтов;
- индекс доверия властным институтам;
- участие в институтах (выборы).

Процедурная легитимность «предполагает признание существующих правил игры на политическом поле. Политические субъекты в спорных и конфликтных ситуациях не предполагают выхода за рамки, очерченные законодательством, а также и молчаливым соглашением основных политических актеров»¹. В основе процедурной легитимности лежит массовое признание возможности добиваться реализации своих интересов посредством легальных процедур.

Персональная легитимность выражается в рейтингах доверия и одобрения деятельности «первых лиц» региональной и местной власти.

На ценностном уровне массового сознания власть в регионе выполняет весьма значимые функции – от нее в принципе зависит благополучие населения. Лишь 16,8% опрошенных указали на то, что благополучие населения – следствие активности и инициативы самих граждан. С известной долей условности можно предположить, что приблизительно таков удельный вес активного и самостоятельного населения. 37,2 % респондентов выразили надежду именно на областную власть, тогда как на федеральную – 27,4%. В целом, для политического сознания населения региона характерны патерналистские установки и явные социальные ожидания именно от областных властных структур. Вообще самым главным направлением деятельности областной власти должна быть забота о достойном уровне жизни граждан (соответствующую позицию выбрали 73,0% респондентов). Для сравнения, на либералистскую функцию власти - создание условий для проявления частной инициативы граждан – указали 9,3%.

В то же время на эмоциональном уровне областная и местная власть, как правило, не вызывают положительных ассоциаций. Преобладающим чувством в ее отношении является недоверие, которое постулируют 42,7% опрошенных. Напротив, доверие испытывают 12,2%. Ранжирование эмоций показывает доминирование именно негатива.

¹ Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В.Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С.242.

Таблица 1.

**Какие чувства Вы испытываете по отношению к областной и
местной власти.**

Недоверие (-)	42,7
Нежелание связываться (-)	25,0
Безразличие (0)	18,2
Зависимость (0)	16,8
Интерес (+)	14,5
Беспомощность (-)	14,0
Уважение (+)	13,0
Доверие (+)	12,2
Бессилие (-)	11,2
Отвращение (-)	7,5
Страх (-)	3,8
Ненависть (-)	3,2
Преданность (+)	2,0
Любовь (+)	0,3
Затрудняюсь ответить	5,3

Следствием люфта между нормативной и реальной сущностью власти в регионе вполне логично является значительная психологическая дистанция между населением и властными структурами. Лишь 13,0% с одобрением и поддержкой реагируют на действия региональной власти. Почти столько же (11,9%) настроены по отношению к ней неприязненно. Большинство же (54,8%) просто вынуждено приспосабливаться к действиям региональной власти и не испытывает чувства общности с теми, кто принимает решения.

Коррупционные ассоциации областная власть вызывает у 26,83% респондентов, местная – у 24,0%. В то же время коррупция как социальная проблема региона находится лишь на 7 месте из предложенных 16 позиций.

Основная претензия, предъявляемая региональной власти на ценностном уровне – разрыв с интересами простых людей, населения в целом. В общественном мнении доминирует представление о том, что политическая система региона функционирует в интересах бюрократии и бизнеса (в совокупности 80,4%). Напротив, позиции «Все население» и «простые люди» дают в сумме лишь 13,7%.

Но, несмотря на негативные ассоциации, вызываемые региональной властью, и на чувство отчужденности, большая часть опрошенных (45,3%) считает, что в области положение дел обстоит лучше, чем в других регионах России. Противоположную точку зрения высказывают лишь 11,8%.

Инструментальное основание легитимности власти подразумевает способность власти реализовать важнейшие жизненные потребности управляемого ею сообщества, точнее, массовые представления о том, что именно это является важнейшей функцией власти.

В условиях социоэкономической напряженности, как указывалось выше, возрастают ожидания от власти, связанные с обеспечением достойного

уровня жизни. Однако при составлении общественного рейтинга сфер эффективности региональной власти оценка населением реализации социальных функций власти и функций обеспечения безопасности среды обитания достаточно низка. Так, деятельность власти по поддержанию приемлемого жизненного уровня населения по 5-балльной шкале – 2,44 балла; обеспечение социальной защиты населения при проведении экономических реформ – 2,42 балла; борьба с преступностью – 2,53 балла; поддержание приемлемой среды обитания – 2,74 балла. В то же время более высоко оцениваются направления, не связанные напрямую с благополучием населения: взаимодействие с хозяйствующими субъектами и влияние на экономику региона – 3,06 балла и участие в федеральной политике, позиционирование региона на федеральном уровне – 3,49 балла.

В результате большая часть респондентов выражает неудовлетворенность ситуацией в области в жизненно значимых для существования людей сферах. Здесь, однако, есть достаточно характерная особенность. Несмотря на крайне неудовлетворительные оценки положения дел в экономике региона, в криминальной, социальной сферах, здравоохранении (максимум позитивно оценивающих составляет 31,6%, минимум 8,9%), общая оценка ситуации в области достаточно удовлетворительна. В целом 42,5% респондентов устраивает (полностью или относительно) ситуация в области. Этот показатель всего на 4,1 п.п. меньше доли тех, кто ситуацией неудовлетворен.

Таблица 2.

Устраивает ли Вас ситуация в области?

	В экономической	В сфере борьбы с преступностью	В сфере борьбы с бедностью, социальной защиты, защиты семьи и	В сфере здравоохранения	В целом
Устраивает полностью	4,3	3,7	1,2	2,2	7,8
Скорее устраивает, чем не устраивает	27,3	16,7	7,7	10,7	34,7
Скорее не устраивает, чем устраивает	27,7	23,8	27,0	21,8	28,8
Не устраивает	28,3	43,0	57,2	61,3	17,8
Затрудняюсь ответить	12,2	12,8	6,8	4,0	10,8

Видимо, в общей оценке ситуации действуют несколько иные механизмы, нежели простое суммирование оценок положения в наиболее значимых сферах жизни региона.

Причем общая оценка ситуации не вполне коррелирует с оценкой работы властных органов. Удовлетворенность ситуацией выше, чем удовлетворенность работой региональных и местных органов власти. Доля тех, кого

устраивает (полностью или относительно) их работа составляет 34,7%. Тех, кого не устраивает – 51,5%.

Скорее всего, на достаточно высокую оценку общей ситуации влияют факторы межрегионального сравнения и региональной информационной политики, если угодно региональной мифологии, направленной на формирование благоприятного имиджа региона.

Перекрестная группировка полученных данных позволяет сделать вывод о том, что на формирование позитивной оценки ситуации и работы властных органов преимущественно влияет оценка своего материального положения. Среди тех, кто характеризует свое материальное положение как полностью или скорее удовлетворительное, доля позитивно оценивающих ситуацию в области в 1,7 раза выше, нежели у неудовлетворенных. По оценке работы органов власти подобное соотношение – 2,3.

Анализ институционального измерения легитимности показывает, что власть общественным мнением воспринимается преимущественно персонализированно. Институт губернатора эффективнее всех остальных властных институтов. Он получил 2,88 балла по 5-балльной шкале, тогда как рейтинг эффективности иных властных инстанций: правительства области – 2,67, областной Думы – 2,51, городских и районных администраций – 2,64, местных советов – 2,49. Губернатор же, с точки зрения большинства респондентов (71,7%), и должен нести всю полноту ответственности за ситуацию в области. Принимающая областные законы Дума следует на втором месте – 46,3%.

С рейтингом эффективности напрямую связан и рейтинг доверия. Наиболее высок совокупный положительный рейтинг (доверяют полностью и доверяют в целом) Губернатора – 50,67% опрошенных. Его совокупный отрицательный рейтинг – 37,0%. У областного правительства (которое возглавляет губернатор) – соответственно 35,83% и 46,33%. Областное законодательное собрание: 26,50% и 42,17%. Местные администрации: 37,67% и 46,84%. Местные представительные органы: 29,0% и 45,17%. В системе разделения властей по горизонтали и вертикали у всех органов власти регионального и местного уровней рейтинг недоверия превышает рейтинг доверия, за исключением главы региона.

Институциональное политическое участие носит преимущественно мобилизованный характер. На наиболее «статусных» выборах – губернаторских – явка в 1990-х – 2000-х гг. была достаточно высокой: 1995 год: 75,47%; 1999 год: 71,33%; 2003 год: 67,50%. Однако, если за индикатор делегитимации региональных режимов принимать долю уклонистов (аполитичные, апатичные, уверенные в формальности демократических институтов), тех, кто голосует не за инкумбента (относительно сознательные «оппозиционеры»), и голосующих против всех (стихийные «оппозиционеры»), то динамика электоральной активности свидетельствует о наличии тенденции к снижению легитимности: 1995 год: 24,53%, 29,68%, 3,93%; 1999 год: 28,67%, 42,68%, 3,86%; 2003 год: 33,50%, 25,43%, 9,98%¹.

¹ См.: Электоральная статистика.- Белгород, 2000; Белгородские известия. – 2003. – 30 мая.

Проблема эффективности демократических институтов применительно к реалиям российского регионального пространства вообще достаточно сложна. Институциональная основа демократии – всеобщие выборы фактически немыслимы в российских условиях без дополняющих их атрибутов в виде административного ресурса, избирательного применения норм выборного законодательства, информационной блокады оппозиции и др. Тем более, в условиях регионального пространства – вне досягаемости международных институтов – такие ограничители свободы волеизъявления граждан потенциально могут полностью нивелировать сущностный смысл выборов. По данным общероссийского опроса ФОМ (декабрь 2005 года), преобладающей мотивацией нормативного (независимо от личного) участия в выборах было мнение «Я должен участвовать в выборах как гражданин России» (41%). То, что участие в выборах дает возможность контролировать власть, отметили всего 6%¹. Несмотря на то, что выборы стали, казалось бы, неотъемлемой частью политической системы России, их легитимность за время функционирования снизилась. По результатам опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в декабре 2005 г., 39% респондентов указали на постоянное участие в выборах и 22% - на частое. В 2002 г. эти данные составляли соответственно 52 и 14%. В то же время на вопрос о том, более или менее охотно они ходят на выборы, чем 5-10 лет назад, большинство - 40% выбрали позицию «менее охотно», «более охотно» ответили 7% и «в отношении к выборам ничего не изменилось» - 32%. На вопрос «Больше или меньше стало участников выборов среди ваших родственников и знакомых?» большинство также выбрало позицию «меньше» - 41% («больше» - 4%, «ничего не изменилось» - 34%)².

Опрос, проведенный в области, выявил ряд противоречий в отношении граждан к институту выборов. Выборы как институт с нормативных позиций оцениваются достаточно высоко. 76,5% респондентов согласны с тем, что выбирая власть в области, городе (районе), люди тем самым способствуют улучшению ее качества. Но при этом 51,8% указывают, что пока, по крайней мере, это не так. Отвечая на вопрос о наличии разницы между избранными и назначенными институциями, большая часть опрошенных (52,2%) указала на отсутствие принципиальной разницы между деятельностью органов власти и должностных лиц, назначенных «сверху» и избранных населением. в массовом сознании налицо разочарование в институте выборов как механизме эффективной селекции наиболее достойных и способных менеджеров.

В тоже время голосование на выборах региональных и местных органов власти признается гражданами относительно эффективным и наиболее предпочтительным способом повлиять на политический процесс в регионе по сравнению со всеми остальными формами политического участия. На вопрос «Согласны ли Вы с тем, что население способно реально влиять на политический процесс в регионе посредством участия в выборах областной думы?»

¹ См.: Участие в выборах http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0601/domt0601_2/d0600102.

² См.: Там же.

18,8% дали ответ «полностью» и 40,8% - «частично согласен». Несогласны с данным утверждением были 29,0%. Кстати, сумма долей позитивных и относительно позитивных ответов (59,6%) фактически совпала с явкой избирателей на выборах областного законодательного собрания в октябре 2005 г., которая составила 57,85%¹, что свидетельствует о достаточной устойчивости установок общественного мнения по данному вопросу. На соответствующий вопрос об участии в выборах главы местного самоуправления и местного представительного органа соответствующие ответы дали: 22,5%, 38,7%, 28,7% и 16,3, 37,5%, 30,3%. В то же время результативность писем и обращений в органы исполнительной власти полностью признали лишь 7,7% и частично – 26,8%. В целом, напрашивается такого рода интерпретация: население считает возможным посредством голосования в той или иной степени повлиять на политический процесс, но это влияние никак не соотносится с последующей деятельностью избранных органов власти и фактически не определяет их легитимность.

Тем не менее, шанс на усиление электорального компонента массового политического участия нивелируется эволюцией российского избирательного законодательства. В 2004 г. Федеральным законом №159-ФЗ от 11 декабря 2004 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» был ликвидирован институт всеобщих выборов губернаторов. Затем, введенный в действие в 2006 г. в большинстве регионов Федеральный закон №131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», инициировал изменения порядка формирования органов местного самоуправления. Муниципалитеты в соответствии с ним стали сами определять порядок делегирования власти выборному должностному лицу местного самоуправления - главе муниципального образования – либо посредством всеобщих выборов, либо избранием его из состава местного представительного органа. Понятно, что в условиях неустойчивой легитимности местной власти именно второй способ стал более предпочтительным для ее акторов при принятии региональных и местных законодательных актов. Для губернаторов ликвидация всеобщих выборов мэров областных столиц также стала способом нейтрализации высокой степени их возможной легитимности и построения своей «вертикали власти». В результате населению осталась возможность электорального воздействия на представительные органы региональной и местной власти, роль которых хотя и возросла, но продолжает значительно уступать исполнительным структурам. В принятом 29 ноября 2005 г. Уставе г. Белгорода предусмотрена именно такая система наделения властью главы муниципального образования. При этом реальные полномочия исполнительно-распорядительные перешли к главе городской администрации (мэру), назначаемому на должность в результате

¹ См.: Белгородские известия. – 2005. – 22 октября.

конкурса¹. Контроль за исполнительной властью со стороны населения стал еще более опосредованным сложной цепочкой властных структур.

Процедурный аспект легитимности измеряется прежде всего посредством оценки удовлетворенности населением качества механизмов формирования и функционирования власти и согласием с эффективностью конвенциональных форм политического участия. Выше указывалось на противоречивое отношение регионального политического сознания к выборам. С одной стороны, за ними признается, хотя и преимущественно нормативно, функция селекции власти. С другой стороны, повседневный опыт подталкивает к мнению об отсутствии различий между избранными и назначенными инстанциями (54,2% считает именно так).

Неконвенциональное политическое участие (в пикетах, демонстрациях и т.п.) признается большинством опрошенных как достаточно эффективная возможность влиять на политический процесс в регионе. Полностью согласны с такой точкой зрения было 18,7% респондентов, и еще 31,7% высказали частичное согласие. Сравнивая эти данные с мнением населения об иных каналах политического участия, видим, что массовые действия по эффективности в массовом сознании уступают голосованию, но опережают участие в политических партиях. Отвечая на вопрос о возможности личного участия в протестных действиях по отношению к власти, значительная доля респондентов (29,7%) выражает одобрение потенциальному протесту либо готовность в нем участвовать (16,3%). Эта величина представляется излишне высокой в контексте социальной консолидации.

Власть, как указывалось выше, как правило, региональным сообществом воспринимается не институционально, а персонально. В ее персонализации во многом заключаются механизмы легитимации и делегитимации. Институт Губернатора обладает наивысшим рейтингом в системе властных институтов региона. А индекс доверия губернатору (доверяют полностью и доверяют в основном) составляет 50,2%, что на 14,4 п.п. опережает индекс доверия коллегиальному органу – Правительству области, которое тот же губернатор и возглавляет. Данные общероссийских опросов ФОМ также свидетельствуют о достаточно высокой степени поддержки «первых лиц» даже несмотря на недовольство положением дел в регионе².

Исследование позволяет сделать предварительные выводы о том, что функциональность власти в глазах регионального сообщества достаточно велика, так как именно от решений того или иного среза ее вертикали зависит благополучие населения. доминировании среди оснований легитимности. В то же время эта функциональность не имеет характера безусловной ценности, так как за реальной властью не признается функции репрезентации обшир-

¹ См.: Наш Белгород. – 2005. – 11 декабря.

² См.: Российские губернаторы – секреты популярности // <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/regions/administrative/d034130>; Губернаторы: индивидуальные репутации и престиж института // <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/regions/administrative/d042332>.

ных социальных интересов. Комплекс региональных и местных властных институтов достаточно слабо дифференцирован в массовом сознании, за исключением явно персонализированного института губернатора. Институциональное и процедурное измерение легитимности власти не актуализированы. Преимущественными основаниями легитимации власти в данных условиях становится ее персонализация и поддержание традиционалистских компонентов массового сознания и политического процесса, а также методика «конкретных дел», адресованных массовым социальным акторам.

УДК 332.23:336 (470.325)

© О.И.Саватеева

БУХГАЛТЕРСКИЙ БАЛАНС В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАО «ЗНАМЯ» БЕЛГОРОДСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Среди показателей, характеризующих качество и уровень функционирования организаций в условиях рыночной неопределенности и рисков, считаются экономичность, финансовая устойчивость и прибыль (прибыльность), по уровню которых можно судить о степени самодостаточного и прогрессивного развития их и совокупной устойчивой безопасности, гарантируемой способностью организации самоподдерживать устойчивое равновесие в процессе движения системы в пространстве меняющихся связей ее с другими системами их рыночного взаимодействия.

И одним из важнейших индикаторов такого состояния движения является баланс (balance, буквально – весы), т.е. внутренняя согласованность факторов и условий соответствующих экономичности, финансовой устойчивости и прибыльности организации.

Однако, надо заметить, что, несмотря на переплетение и взаимообусловленность экономических, экологических и социальных процессов, с неизбежностью приводящих их к соподчинению, взаимокорректировке количественного выражения¹, идеальной, абсолютной сбалансированности, пропорциональности достигнуть, считают специалисты², невозможно, так сам идеал (сбалансированность как структурный оптимум экономики) постоянно меняется, как меняются сам человек и его совокупные потребности.

Это обстоятельство чрезвычайно важно учитывать в интересах получения возможно достоверной оценки финансового состояния организаций, функционирующих в пространстве рыночной неопределенности и рисков.

Оценку финансового положения организации в денежной форме получают на основе бухгалтерского баланса по состоянию на отчетную дату. Эта оценка характеризует материальные запасы, расчеты, наличие денежных средств и инвестиций.

¹ См.: Ресурсный потенциал экономического роста. – М.: Изд. дом «Путь России»; ЗАО «Изд. дом «Экономическая литература». - 2002.

² См.: Тот же. Там же.